

ФОТО ИГОРЯ ЯКОВЛЕВА

Татьяна ЧЕРНОБРОВКИНА: Многие начинали за мной ухаживать, но оставались ни с чем. Влюбиться должна я

веч. выпб. - 1997. - 25 сент. е.7.

Да не обидятся все балерины Москвы на "Вечерний клуб" — но наша любимая балерина, несомненно, Татьяна Чернобровкина, звезда Музыкального театра им. Станиславского и Немировича-Данченко. Если кто-то еще не видел эту непревзойденную ныне Одетту-Одиллию в "Лебедином озере", поспешите на Большую Дмитровку. Как Чернобровкиной, балерине остро современной, удалось сохранить столь мощное классическое начало и одновременно не превратить героиню Чайковского в хрестоматийный музейный экспонат — загадка подлинной актрисы, жизнь которой привычно складывается почти из тех же обстоятельств, что и у десятков, казалось бы, не менее талантливых, трудолюбивых, достойных балерин. Из каких? Об этом — наш сегодняшний разговор с Татьяной Чернобровкиной.

— Таня, давай сначала перенесемся в Саратов, где все для тебя начиналось. Как это было?
— Я была очень подвижным ребенком, всегда танцевала, скакала-прыгала — в общем, росла типичной непоседой. И бабушка решила пустить мою энергию в дело: в 6 лет меня отдали в танцевальную студию при ДК. Я с удовольствием там занималась, а через четыре года мой педагог рекомендовал родителям отдать меня в хореографическое училище. Я совсем не знала, куда меня ведут, что это за профессия — балерина? Когда после второго тура меня не хотели брать, мне было совершенно все равно, другие же дети ужасно переживали и плакали. Ирина Аркадьевна Князева, которая потом в училище была моим первым педагогом, тогда входила в приемную комиссию и настояла, чтобы меня допустили до третьего тура. Я станцевала "Русский танец" и действительно произвела впечатление. Меня взяли. Я никогда не знаю, как правильно ответить, когда меня спрашивают, какая у меня школа: саратовская или ленинградская. Потому что в старших классах я занималась у ленинградки Нины Алексеевны Максимовой, ученицы Вагановой. Только заканчивая училище, я осознала, какая это трудная профессия — надо потеть, всего добиваться большим трудом и положить на балет всю свою жизнь.
— После Саратовского театра оперы и балета ты в 1987 году пришла в театр Станиславского и Немировича-Данченко. Не жалеешь? Я знаю, что у тебя была возможность танцевать в Мариинке.
— В Мариинском театре я станцевала "Лебединое" и "Дон Кихот". Причем "Лебединое" подвернулось просто случайно. Весной 1987 года мы выехали на гастроли в Ленинград. Основная труппа Мариинского театра была за границей, а единственная ос-

тававшая исполнительница Одетты-Одиллии заболела. Нас попросили выручить. И тогда мой педагог, ленинградка, бывшая солистка Мариинки Татьяна Легат "выпихнула" меня на сцену буквально с двух репетиций (в Москве я тогда еще "Лебединое" не танцевала) с молодым, только-только начинающим Кириллом Мельниковым, который теперь солист Мюнхенской Оперы. Главный балетмейстер Олег Виноградов позвал нас в театр. Но мне было тяжело сделать этот шаг. В Мариинке иная атмосфера: на тебя все смотрят свысока, даже балерины, стоящие в последней линии кордебалета. Я не умею требовать роли, спектакли, менять педагогов, участвовать в интригах. В театре Станиславского мне было всегда легко, здесь все само идет в руки. Я танцую весь классический репертуар. Главный балетмейстер Дмитрий Брянцев поставил для меня "Лебединое" и "Корсар". "Укрощение строптивой", сейчас предложил участвовать в премьере "Саломеи".
— Неужели в вашем театре нет никаких интриг? Сплетен? Завистников? Мне всегда казалось, что без этого балетного театра не бывает.
— Я не слышала, чтобы за моей спиной обо мне что-то говорили, никогда никто ничего не передавал. Короче, сплетнями я не окружена и ни в какие пересуды не влезаю. Брянцев обо мне говорит, что театру повезло с ведущей балериной: она никогда не скандалит. И поэтому я уже десять лет не могу получить квартиру, которую театр мне обещал. Я жду, надеюсь, что обо мне помнят, но ходить и просить не буду. Хотя все мне говорят, чтобы я не вылезала из кабинета директора.
— Таня, скажи откровенно, есть ли у балерины личная жизнь?
— Ее так мало! И проходит она в основном в театре.
— Тогда расскажи, как ты проводишь свой день.
— Встаю около 8 часов, к 10 еду в театр на класс, потом перебив и одна-две репетиции. Когда идут постановки новых спектаклей, в театре находишься с утра до позднего вечера. В день спектакля я прихожу утром на класс, затем стараюсь дома поспать час-три, иногда пропускаю класс и просто даю себе возможность выспаться, иначе я просто не человек. А на спектакль приезжаю за два с половиной часа.
— Волнуешься?
— Перед каждым спектаклем есть волнение, но оно не мешает. Я никогда не тряусь, ноги у меня не подкашиваются. Во время спектакля я забываю обо всем, и на мне совсем не отражается, что произошло дома, что тебе сказали за кулисами, никакие телефонные звонки и разговоры. Меня может расстроить другое: если кто-то не получается на спектакле, ноги тяжелые или напорочит с темпами дирижер — тогда доходит до слез, и муж меня успокаивает.

ет. Когда я в расстроенных чувствах, в гримбуру я никого не впускаю.
— Значит, довольно удобно, когда муж — еще и партнер по сцене?
— Бедные педагоги, которым приходится выслушивать, как мы с ним спорим на репетициях, какая поза лучше и кто виноват в том, что не получается пируэт! Правда, до скандалов не доходит, но иногда я просто ухожу из репетиционного зала. Во время спектакля Дима меня поддерживает: подтянись! соберись! держись! — особенно когда я танцую боковую. Так, премьеру "Щелкунчика" я танцевала с температурой 38. А когда он танцует, я очень переживаю за него. В первом акте "Лебединого" я свободна и всегда смотрю Диму из-за кулис. А дома, естественно, делаю замечания, и начинаю "разборки".
— А может, мы поговорим на интимные темы?
— Так я тебе все и расскажу...
— И все-таки попробуем. Где и как ты познакомилась с Димой Забавиным?
— В 87-м году Дима только пришел в театр. И впервые я с ним познакомилась в одной компании, правда, внимания на него никакого не обращала. Он танцевал в кордебалете, а я уже была солисткой. Все произошло неожиданно: через три года во время гастролей в Италии возник роман, который, как всегда, развивался головокружительно. Дима дарил мне цветы...
— Что значит "как всегда"?
— Я была очень влюбчивой. У меня всегда все было серьезно и всегда быстро заканчивалось. Роман помогает: приподнятое настроение, репетируется легче...
— Так ты развиваешь мужские сердца?
— Есть такое. Многие начинали за мной ухаживать, но оставались ни с чем. Один американец во время моих гастролей ездил за мной по всем городам турне. Но влюбиться должна я.
— А кто теперь дома командует парадом?
— Трудно сказать.
— Тогда как распределяются обязанности в вашем доме?
— Дима часто готовит, и причем хорошо. Он все делает от души. С первым мужем я готовила сама, даже борщ варила. Но процесс приготовления пищи меня не увлекает. Максимум на что меня хватало — это нарезать салат. А вот квартиру убираю я. Дима ходит по магазинам, на рынок. Машину водит и он, и я, но когда едем вместе, Дима мне руль не доверяет.
— И какое же у вас дома фирменное блюдо?
— Рис с овощами, грибами или креветками.
— А алкоголь себе позволяете?
— Конечно, но это после спектакля — их в месяц два-три. И только чуть-чуть, чтобы расслабиться. Люблю шампанское, красное вино.
— Таня, у тебя есть особая диета, ты в чем-нибудь себя ограничиваешь?

— Сейчас ни в чем. А если наберу лишний килограмм, так просто один день голодаю. Правда, сахар мы с Димой не употребляем, заменяем его медом.
— А если бы утром не надо было ехать на класс, чем бы ты занялась?
— Поспала бы подольше или поехала на дачу.
— Тебе вообще удается как-нибудь отдохнуть?
— Иногда вырываюсь с Димой на день на дачу, на природу. Костер, шашлыки, русская баня. Но это очень редко. А во время отпуска мы обычно уезжаем на гастроли.
— Как тебе при таких нагрузках всегда удается так потрясающе выглядеть?
— Я для этого никаких усилий особенно не прилагаю. А подтяжки делать — не подошел еще возраст.
— Какой парфюмерией ты пользуешься?
— Мне нравятся нежные, весенние запахи, наверное, они даже больше нравятся Забавину, а я должна исходить из этого. Мои любимые духи "Dune", фирмы Кристиан Диор, "Byzance" и "Fleur d'eau" фирмы Роша.
— А какими, pardon, дезодорантами пользуются в балете?
— Кому что нравится. И в основном только на репетиции. А для спектакля накладываем на себя "морилку" — это нечто вроде жидкой пудры или крема определенного цвета, им мы и смазываем тело. На "Дон Кихот" необходим цвет загарный: Китри все-таки испанка. На "Лебединое" выбираю тон посветлее. "Жизель" — ну, там загарный мир — героиня должна быть прозрачной, даже с синевой (смеется).
— Таня, расскажи о своих партнерах и педагогах — о тех, без кого трудно обойтись прима-балерине.
— Сейчас я работаю с Маргаритой Дроздовой, она говорит, что ей со мной репетировать интересно. А до этого занималась с Татьяной Николаевной Легат, которая жаловалась, что со мной приходится нелегко, потому что я всегда замыкаюсь и молчу. А с партнерами мне повезло. Сейчас танцую с Виктором Диком, Димой Забавиным, у него прекрасный педагог Вадим Тедеев. Первым моим партнером в театре был Володя Кириллов, он подходил мне по росту, мог вырывать меня из любого положения, вывел меня во всех премьерах. Он был очень опытный партнер, поддержал меня, но и намутил — я была толстой, аж 55 килограммов!
— А сейчас?
— 51.
— Как ты относишься к критике? Читаешь?
— Писали обо мне всякое, но я болезненно это не воспринимаю. Мне нравится, когда критик высказывает свое личное впечатление, свое понимание спектакля, а не просто сравнивает с "устоявшимися традициями". Разве можно кого-то повторить?
— Ты знаешь своих поклонников? Какие у тебя с ними отношения?
— Я не встречаюсь с ними специально, но знаю их, некоторые заходят ко мне после спектакля за кулисы. В основном это старшее поколение — те, кто видел меня на конкурсах. Или те, кому я понравилась, когда только пришла в театр. Вот и два американца мною увлеклись (смеется). Вообще мне нравится, когда есть свои люди в зале — без них не проходит ни один спектакль. Ужасно приятно, что моисеевцы, с которыми я познакомилась в Лос-Анджелесе и которая пригласила на свои спектакли в Москве, отсмотрели в течение сезона весь мой репертуар.
— А к цветам ты, наверное, уже привыкла?
— Я обожаю ромашки. Завидую, когда кому-то их преподносят на сцене. Но когда мне дарят 51 бордовую розу, как на открытии нынешнего сезона, то задумаешься, что же лучше. В прошедшем сезоне меня избаловали цветами: сезон был удачный, прошел мой первый творческий вечер, после которого одна поклонница подарила мне 500 роз! Она сказала: "Таня, еще пару таких вечеров, и я разорюсь".
— Таня, ты недавно вернулась с гастролей из Японии. Как они проходили? Что ты танцевала?
— В гастрольях участвовала вместе с Майей Михайловной Плисецкой и Имперским русским балетом Гедиминоса Таранды, танцевала адажио из "Спартака" и Жизель. А Плисецкая — "Болеро" и "Лебедя", как всегда, его бисировала. Интересно, что впервые я попала в Японию одиннадцать лет назад, когда еще не работала в Музыкальном театре Станиславского, тоже на гастрольях с Майей Михайловной. Она произвела на меня потрясающее впечатление. Как она работала в классе! Делала его до конца, исполняла все прыжки... Я смотрела из-за кулис ее "Лебедя", и выучить порядок было совершенно невозможно: она всегда его танцует по-разному. А вне сцены я была поражена, что с Плисецкой можно так просто общаться, говорить практически обо всем.
— Видела ли Плисецкая твою Кармен?
— Видела, в Финляндии, и кое-что подказала. В принципе похвалила: "Я в первый раз вижу исполнение "Кармен", которое меня устраивает". Это дорогого стоит. Теперь же на гастрольях в Японии, когда я спросила Майю Михайловну, могу ли я исполнять Кармен в

своем театре, в концертах, она ответила: "Я дарю тебе этот спектакль, танцуй его где хочешь!"
— Есть ли место, где ты себя чувствуешь как дома?
— В Братиславе, я туда часто езжу на "Дон Кихот" и "Лебединое". Очень много приезжает любителей балета из Вены, они заполняют весь партер. И это при том, что венцы больше любят оперу. Если в нашем театре полный зал только на балетах, то в Братиславе обычно аншлаги только на опере, а к балету они относятся прохладно.
— Какая твоя самая безумная мечта?
— Я не из мечтательных балерин. Но хотелось бы станцевать "Призрачный бал", "Большое классическое па" на музыку Обера — мне нравится этот стиль, и кажется, он мне подойдет.
— Тебе предлагали танцевать Джульетту в Большом театре. Чем закончились переговоры?
— Действительно, Владимир Васильев и Вячеслав Гордеев сделали мне такое предложение. Репетировать я должна была с Галиной Улановой. Она болела и пригласила меня к себе. Я ездила к ней, смотрела пленку со спектаклем, мы разговаривали о нем. Но болезнь Галины Сергеевны затянулась. А потом уже из театра никто больше не позвонил.
— Ты бываешь в Большом?
— Редко. До сих пор не посмотрела новое "Лебединое", и еще хочу попасть на Надежду Грачеву в "Баядерку", я видела ее только в "Тенях", и мне она понравилась.
— А самой хотелось бы что-нибудь станцевать в Большом?
— Да, любую классику — "Баядерку", "Раймонду"... Выступать на этой сцене очень волнительно, ощущения иные, особая атмосфера, окружение старых педагогов. Большая сцена — большой масштаб. Те, кто работает там ежедневно, привык и не замечает этого. Трудно объяснить, почему в Большом воздействуют даже имена тех, кто когда-то здесь танцевал. А что останется после нашего поколения? Мне иногда кажется, что в чем-то мы все одинаковые. Все танцуют все, все пробуют себя во всем, ни у кого нет "коронки".
— Какие роли все-таки тебе ближе?
— Странно, но иногда меня причисляют к лирическим балеринам. Мне нравятся партии героические, яркие. Эсмеральда, Китри, Катарина из "Укрощения строптивой", Одиллия. В них я чувствую себя свободней. Тем не менее очень люблю танцевать "Сильфиду" и ненавижу репетировать этот спектакль, страшно тяжело.
— Неужели так не любишь репетировать?
— А кто же любит? Но это необходимость, от этого не уйти.
— Работы каких хореографов тебе нравятся?
— Кранко, Баланчина, Бежара, Эйфмана.
— А дома смотришь какие-нибудь балетные пленки?
— Обожаю "Лауренсию" с Плисецкой, для удовольствия смотрю Наталию Макарову в "Лебедином", как она занимается на станке, на тренажерах. Мы с Димой тоже пытались заниматься на тренажерах, бегать, но не хватило характера, да и после спектакля так устаешь, что вообще уже ничего не хочется.
— И все-таки, есть ли у тебя что-нибудь, кроме балета?
— Люблю драматический театр, вот где я действительно отдыхаю. По телевизору смотрю передачи "Добрый вечер" Игоря Угольников, "Акулы пера" — представляю, если бы на эту передачу попала я! Это только для смельчаков. Нет, я бы никогда туда не пошла. Раньше за границей я всегда после спектакля бегала на дискотеку. Все удивлялись, откуда у меня берутся силы. Сейчас уже не могу позволить себе это удовольствие. А тогда мне нравилось — много народу, хорошая современная музыка, отдых, выход эмоций, другие движения... Как-то собираемся поздно вечером в отеле целой группой на дискотеку, бегаем из номера в номер. Из соседнего номера выходит девочка, которая танцует в тройке лебедей, и говорит: "Нельзя ли потише, у меня завтра спектакль". А моя подруга ей, улыбаясь, отвечает: "На всякий случай: здесь Чернобровкина, которая завтра танцует Одетту-Одиллию".
— Ну а если у тебя случается что-то серьезное в жизни...
— Я ужоу в работу. Представляешь, она даже простуду лечит.
— Ты суверна?
— Если черная кошка перебежит мне дорогу, я не придаю этому значения. Но перед выходом на сцену три раза стучу по деревяшке. Однажды в "Лебедином" только я должна выходить на сцену — и вдруг у меня рассыпается прическа! Одной рукой я судорожно поправляю волосы — так, что вотгнала шпильку под ноготь, а другой — уже изображаю взмах крыла... В такой момент, конечно, уже не до суверов.
— Таня, постоянно ползут слухи, что некоторые пугают всех твоих поклонников, — ты действительно собираешься обзавестись ребенком?
— Я правда хочу ребенка. И не одного.

Встречался Александр ФИРЕР.